

СЕРГЕЙ ПОГОДАЕВ

Я просто останусь собою

Второе пришествие

Прийти теперь через искусство
наставил сына Бог Отец:
привить возвышенные чувства
к биению трепетных сердец.

«Узришь и сам: планета гибнет,
а люди — скопища слепых!
Спасти их души помоги мне —
заставь трудиться души их!»

Творцы всегда подобны Богу:
мир должен быть преображён!
Другим указывай дорогу —
и пусть хоть лезут на рожон!

Но просто проповедью милой
ты род людской не исцелишь:
всепобеждающею силой
искусство обладает лишь!»

Валун

Русский человек талантлив в никуда.

М. Задорнов

Раньше, в полнолуние, сев на свой валун,
словно слышал голос он: «Николай, Колун!»
Перед взором пламенным расступалась мгла:
подвиги свершать его Мать-земля звала.

Силищу великую чувствуя давно,
верил: небывалое сделать суждено.
Вдарит, так по-крупному, чтоб уж ух, так ух!
Чтоб по всей Руси о нём прокатился слух!

А подсказки нет ему: ехать-то куда?
Званный, да не избранный — вот ведь в чём беда!
И тогда, озлобившись, он принёс колун,
маханул и, надо же, — развалил валун!

...У себя на родине наш герой живёт.
Попивает водочку, отрастил живот.
Но порой в бессонницу, сквозь собачий лай
снова слышит голос он: «Что ж ты, Николай?»

Кот

Какое штату дело до кота,
ведь штат лишь называется Дакота?
Коту, меж тем, быть дворней неохота, —
«мурлыкой» в ранге мелкого скота.

Кот белый и пушистый, правда, — злой.
И не лоялен как-то, не служака!
Полезнее и преданней — собака:
чуть приласкаешь — вертится юлой!

А кот — ценитель собственной судьбы.
И хватится хозяин — кот не рядом.
Любуясь потаённым листопадом,
сидит себе на крыше, у трубы.

Заданий — вообще не признаёт
и если давит крыс — не за сметану.
Я верить никогда не перестану,
что кот в Дакоте — более, чем кот!

В парикмахерской

Всё меньше брюнета, увы, всё больше «блондина»;
состриженный волос лежит беловатой хвощей.
Ты видишь ли, мама, меня — «хорошего сына»?
Седой я довольно уже, да и не молодой.

Твой сын — он такой, как вчера — такой же нездешний,
хотя приросла борода повседневных забот.
И прежние, может быть, мы, но только не внешне:
и наш паровоз тормозить наступает черёд!

Напрасно срываем стоп-кран в безумном экспрессе:
нельзя ничего изменить, коли жил не всерьёз.
Зря шепчем, не зная молитв: «надежда, воскрес!»
Года-поезда под уклон, под уклон, под откос!

За каждым тоннелем — судьба — сквозная задача.
Дорога стремится меня вдаль, перегоны столбя.
Растерянность скорбную я, от зеркала пряча,
сiju и придирчиво слишком гляжу на себя.

Медитация

Быть в центре леса, быть в его кругу,
томиться в ожиданье озаренья!
Ещё чуть-чуть и грянет миг прозренья;
ещё усилие — и я смогу,

замкнув тугие на себя пути,
притормозить воронку мирозданья!
Я лёгкий смерч глубинного сознания,
пытающийся... воздух обрести.

Как милосердно-грозен этот мир,
который начал спрашивать всё строже!
И жить не жил, а уже столько прожил.
И поздно брать другой ориентир.

Лишь взлёты духа позволяют нам
не зарастать житейской паутиной!
Нам нужно подниматься над рутиной
и с высоты смотреть по сторонам!

Я поднимаюсь. Впрочем, жизнь моя —
иллюзий постепенная утрата,
и впору подытожить виновато:
«Есть срок земной, да неба полынья!»

Привык, смешав реалии и сны,
я грезить на продавленном диване!
Стихи-то как писать без упований? —
любые рамки творчеству тесны.

Стихи отображают нас вовне,
и, мучимы абстрактными вещами,
мы что-то возвращаем, возвращаем
неопалимой бытом купине!

Вот и сейчас — зачем я тут стою,
покинув свистопляску городскую?
Какого откровения взыскую
у пропасти конечной на краю?

Лодырь безработный

До чего ж с утра я скорбен и понур —
трудно просыпаюсь, долго чересчур.
Лодырь безработный — всё же человек.
Я имею право строить свой ковчег!

К богу появился, к вере интерес.
Может, жизнь и правда, — встреча двух небес?
Знают, коли пишут, люди-то, небось!
Вдруг и я иную обретаю ось?

Времени для чтенья, продыху я рад:
вкалывал, как зомби, столько лет подряд!
Чуждых дел текучка — чем не кабала?
Нервы иструждались, а душа — спала!

И бредут и стонут сонные стада!
Стали б мы впрягаться, кабы не нужда!
Привыкают шеи ощущать хомут —
думать о спасенье некогда нам тут!

...Поиски вакансий, тексты резюме.
«Менеджер я беглый в снежной кутерьме!»
Неужели сдамся, притащусь назад?
Буду ли я помнить, что помстилось «над»?

Монада

В каждой монаде в потенциале
свёрнута целая вечность.

Г. Лейбниц

Вселенная моя, мирок, мирочек!
Вместилище отважных заморочек!
Вы скажете: «Игра не стоит свеч»?
А я хочу Сверхновую зажечь!
Стремление дано и, значит, надо!
Я тоже безграничность! Я — монада!
И часть чего-то большего мой труд!
Лишь выполнивших миссию вернут.
Не чудо ли? — доходит свет до нас,
доходит жизнь тех, кто давно угас.

Недолго виться пеплу на террасе.
Но путь самосожженья не напрасен,
поскольку обнажённостью права
законченности жёсткая канва.

Которая нет-нет, да и проглянет.
Я всполохи оставлю вам, земляне —
прекрасные утопии ума!
Конечно же, и тело — не тюрьма:
душе, что вырывалась из тенёт,
земных проблем потом недостаёт.

Наш общий дом... Клубок противоречий.
Не слышен лепет микрочеловечий;
корысть своё трубит наперебой!
А ведь богат — владеющий собой...
«Свобода, как познание вечных истин!»
И! — узник замка Иф омонтекристен
писателем, замыслившим побег.
Будь выше обстоятельств, Человек!
...Бредущему по звёздной целине, —
соединять вселенные и мне.

Идеалист

«Стерлядь ловят на мымру».
Стерлядь есть кое-где.
А вот я скоро вымру
в этой мутной среде.

Развенчав пасторали,
каждый сам дозревал.
Не в бирюльки играли —
разбирали завал!

Подуставший малёхо,
говорю не со зла:
та, другая эпоха —
человечней была!

...Добивают не пули —
совокупность обид!
Нас почти зачеркнули.
Мы исчезнем как вид.

...Поколение джинсов,
рок-н-ролла и книг.
Помешал нам прижиться
тектонический сдвиг!

Потеряв свои ниши,
ставим точки над «и».
Пробиваемся выше —
в горних истин ручьи.

На кладбище

На кладбище взгляды с надгробий:
дни мира сего сочтены.
Живым — натяжение струны,
покуда час смерти не пробил!
И силится мы преуспеть,
смешно упираемся рогом.
А ходим и ездим под Богом —
сплошная везде гололедь.

На чудо надеемся втайне,
держа поминальный блинок:
кончина для нас лишь пролог,
начало иных обитаний.
Мистический этот «тот свет»,
чреватый морозом по коже.
Мертвец усмехнуться не может!
Портрет его — только портрет.

Нам, пафосным, сразу бы в дамки!
Затем умеряется прыть.
И трудно растерянность скрыть:
растают воздушные замки.
И вот, одолела хандра;
ты жалок, довольствуясь малым!
Хотя, за вторым перевалом
прибавить бы шагу пора.

И зная, что всё — ахинея,
замолишься, коли припрёт!
Забьёшься, как рыба об лёд,
судьбу принимать не умея!
Вверху — безмятежная синь,
внизу — очерёдность этапа.
Шеренги. Смотрящих на запад.
Вы тоже старались. Аминь!

Ноль многозначен

Кто утверждает, что ноль — пустяковое что-то?
Дырка от бублика на стадионном табло!
Ноль многозначен. Он точно не просто число:
базис развития, космос, начало отсчёта.

Вот, медитировал снова «Стремление к нулю»...
Не заключить мне трусливый союз с пустотой.

Эго терять своё горькое — нет, не люблю.

Хватит слияний — я просто останусь собою.

Перед чертой просветлюсь я и сам, честь по чести!

И растворится сознание моё без следа...

Взор атеиста порою направлен туда,

где бесконечность и ноль в точке сходятся вместе.